

6. Набег на Ком Уош

Они готовились тщательно.

Во-первых, по предложению Капитана Смита, они организовали склады в различных точках по всей территории их предполагаемой зоны деятельности: страны каньонов, юго-восточной Юты и северной Аризоны. Склады состояли из: (1) продуктов питания — консервов, сушеного мяса и фруктов, бобов, сухого молока, запечатанных бутылок с питьевой водой; (2) полевого оборудования — медицинских пакетов, брезента и пончо, зажигалок, топографических карт, спальников, фляг, охотничьего снаряжения и рыболовных снастей, походных плит, шнура, канатов, нейлоновой веревки; и (3) основные компоненты — разводные гаечные ключи, металлические прутья, мощные ножницы по металлу, болторезы, плантажный инструмент, сифонные шланги, сахара и сиропы, масло и бензин, стальные клинья, взрывные капсулы, детонаторы и шнуры к ним, огнепроводные шнуры и зажигалки, обжимные щипцы, а также необходимое количество взрывчатки. Большую часть работы выполнили Смит и Хейдьюк. Время от времени им помогали доктор и мисс Абцуг, прилетавшие из Альбукерка. Какое-то время Хейдьюк возражал против участия девушки.

— Какие, к черту, девки? — орал он. — Это мужская работа.

— Прекрати разговаривать по-свински, — говорила Бонни.

— Ну, ну, — успокаивал их доктор. — Спокойно. Мир.

— Я думал, с нас хватит ячейки из трех мужчин, — настаивал Хейдьюк. — Никаких девчонок.

— Я не девчонка. Я взрослая женщина. Мне двадцать восемь с половиной лет.

Редкий Гость Смит стоял несколько поодаль, улыбаясь, почесывая светлую поросль на своей длинной челюсти.

— Мы договаривались только насчет троих, — продолжал настаивать Хейдьюк.

— Я знаю, — сказал доктор — и я прошу прощения. Но я хочу, чтобы Бонни была с нами. Куда я — туда и она. Или наоборот. Без нее я не очень-то хорошо функционирую.

— Что ж ты за мужик?

— Иждивенец.

Хейдьюк повернулся к Смицу. — А ты что скажешь?

— Ну, — сказал тот, — ты ж знаешь, мне эта малышка вроде как нравится. По-моему, вроде как хорошо бы, чтоб она тут крутилась рядом. Мое слово, — возьмем ее с собой.

— Тогда она должна дать кровавую клятву.

— Я не ребенок, — возразила Бонни, — и я отказываюсь давать какие-то кровавые клятвы и вообще играть в мальчишечьи игры. Вы должны доверять мне. Если же нет — я донесу на вас в Бюро землеустройства.

— Она нас схватила за яйца, — сказал Смит.

— И без грубостей, — потребовала она.

— Яички.

— Хватай их за яички, а сердце и ум присоединятся после, — посоветовал доктор.

— Мне это не нравится, — сказал Хейдьюк.

— Упрямец, — говорит Бонни. — У нас перевес голосов три против одного.

— Мне это не нравится.

— Спокойно, мир, — сказал доктор. — Уверю вас, она нам очень пригодится.

Слово доктора было последним и решающим. В конце концов, всю кампанию финансировал он. Он был ангел. Ангел-мститель. Хейдьюк знал это. А расходы были большие. Один приличный спальник стоил девяносто долларов. Сорок долларов — пара сапог. Даже какие-то бобы стоили до 89 центов за кило. Но значительно, намного дороже всего снаряжения и оборудования была просто его транспортировка через бескрайние, труднопроходимые, запутанные пространства юго-запада, где бензин продавали по цене 49-55 центов за галлон, а новую шину для пикапа (шестислойную, высокопрочную) — не ниже, чем 55 долларов. Плюс билеты на самолет из Альбукерка в Пейдж и обратно для доктора и его Бонни — 42,25 доллара каждый, в один конец.

Многие из этих расходов можно было расписать по статьям не облагаемых налогом производственных затрат компании Смита (ЭКСПЕДИЦИИ В ГЛУШЬ), но даже и при этом начальные издержки были очень значительными. Добрый доктор предоставлял наличные, которыми Смит редко располагал, и выписывал большую часть чеков. Взрывчатка, конечно, налогом не облагалась; в отчете Дока для Службы внутренних доходов она проходила по статье затрат на совершенствование ранчо (у него было небольшое ранчо, всего 225 акров в горах Манзано — «налоговое убежище»), и на проведение предварительной разведки полезных ископаемых согласно заявке на открытие рудника на территории, которой он владел в той же местности.

— Перчатки! — требовал Хейдьюк. — Перчатки! Никакой этой хреновой обезьяньей работы не будет без перчаток!

И Док покупал каждому члену команды по три пары перчаток высшего качества из оленьей кожи.

— Сноу-Сил! (Это про сапоги).

Он покупал Сноу-Сил.

— Пистолеты!.

— Нет.

— Ружья!

— Нет.

— Арахисовое масло.

— Ружья и арахисовое масло! — рычал Хейдьюк.

— Арахисовое масло — да. Ружья — нет.

— Надо ж себя, мать твою, чем-то же защищать.

— Никакого оружия, — Док умел быть упрямым.

— Эти же засранцы будут в нас стрелять!

— Никакого насилия.

— А каким чертом отстреливаться будем?

— Никакого кровопролития, — Доктор стоял на своем.

Хейдьюк снова остался в меньшинстве, снова один против трех. Поэтому пока что он скрывал свое оружие, как только мог, и носил с собою только револьвер во внутреннем кармане своего рюкзака.

Док купил шесть упаковок экологически чистого арахисового масла «Глухой Смит» — нерафинированного, негидрогенизированного, натурального продукта, произведенного из высушенного на солнце арахиса, выращенного на унавоженной земле без помощи гербицидов, пестицидов или окружающих агентов. Редкий Гость Смит (не имеющий родственного отношения к тому Смиту) распределили это арахисовое масло стратегически по всему плато Колорадо — банку здесь, банку там, от самого Лукового ручья до Пакистанских ключей, от Складчатого прохода до горы Железной кружки, от Тавапутса, Юта, до Моэнкопи, Аризона. Жирное темное арахисовое масло.

Однажды, в самом начале кампании, когда они наполнили баки горючим на автозаправке, Док собирался было заплатить со своей кредитной карточки. Хейдьюк потащил его в

сторону. Никаких кредитных карточек, сказал он.

— Никаких кредитных карточек?

— Никаких ваших чертовых кредитных карточек; вы что ли хотите оставить чертов след в миллю шириной своей чертовой подписью всюду, где мы появимся?

— А, понятно, сказал доктор. Плачу наличными, никаких кредитных карточек. Будем осмотрительны.

Поначалу они не воровали, не покупали и не применяли взрывчатые материалы. Хейдьюк настаивал на их немедленном употреблении, массируванном и основательном, но остальные трое возражали. Доктор боялся динамита; динамит — это анархия, а анархия — это не решение вопроса. Абцуг подчеркивала, что любые типы фейерверков незаконны во всех юго-западных штатах; кроме того, она слышала, что взрывные капсулы вызывают рак шейных позвонков. Доктор, опять-таки, напомнил Хейдьюку, что применение взрывчатых материалов для незаконных (хотя и конструктивных) целей является уголовным преступлением, а что касается мостов и автомагистралей, — еще и нарушением федеральных законов. А вот просто налить немножко сиропа Каро в топливный бак или подсыпать песочку или наждака в маслоналивную горловину — просто безобидный проступок, едва ли больший, чем проделка на День всех святых.

Перед ними встал вопрос выбора между скрытыми, замысловатыми методами тихой агрессии и демонстративным, скандальным, яростным индустриальным саботажем. Нейдьюк предпочитал скандальный, яростный. Остальные — наоборот. Забаллотированный, как обычно, Хейдьюк раскипятился, но позже утешился тем, что по мере развития операции дела пойдут круче. На каждое действие — все большее противодействие. В конце концов, он же ветеран Вьетнама. Он хорошо знал, как работает система. Время, текущее и истекающее ото дня ко дню, было на его стороне.

Каждый тайник с запасами провианта и снаряжения был сделан весьма скрупулезно. Все, что можно было съесть, выпить или иным образом употребить или уничтожить, они сложили в металлические ящики на замках. Инструменты — наточены, смазаны, уложены в футляры и обернуты тканью. Если была возможность, их закапывали, если нет — тщательно укрывали камнями и кустами. Все места тайников были замаскированы, все следы заметены, веником или ветками. Ни один тайник не считался готовым, пока он не был проинспектирован и Хейдьюком, и Смитом — старшими военными консультантами компании — Фокспак? Сикспак? Мстителю пустыни? Банда деревянного башмака? Даже по поводу названия для самих себя они никак не могли прийти к согласию. Маневр «Арахисовое масло»? Рейдеры Пурпурной полыни? Молодые американцы — за свободу? Женский христианский союз «За трезвость»? Не могли договориться. Кто здесь главный? Мы все здесь главные, говорила Бонни. Нету здесь главных, говорил доктор. Вшивый способ делать вашу чертову революцию, жаловался Хейдьюк; он страдал от отсутствия авторитаризма, отставной сержант Дж. Ваш. Хейдьюк.

— Спокойно, мир, пожалуйста, рах vobiscum, — говорил доктор. Но и его возбуждение и волнение становились все сильнее. Взять хотя бы этот случай в новом здании Медицинского центра университета, которое обошлось в пятьдесят миллионов долларов. Дело происходило в одном из учебных корпусов стоимостью в миллион долларов. Здание пахло сырым цементом. Окон было мало, и они были похожи на бойницы — глубокие, длинные, узкие. Система кондиционирования была самая современная. Когда доктор Сарвис зашел однажды в аудиторию, чтобы читать лекцию на тему «Индустриальные загрязнения и респираторные заболевания», — он нашел, что в ней чересчур жарко, воздух тяжелый, спертый. Студенты выглядели более сонными, чем обычно, но их это не волновало.

— Надо бы проветрить здесь, — проворчал доктор. Один из студентов пожал плечами. Остальные кивали головами — сонно, а не в знак согласия. Док подошел к ближайшему окну и попытался его открыть. Но как? На нем вроде бы не было никакой петли, задвижки, защелки, щеколды, шпингалета, открывающейся рамы, крючка или ручки.

— Как вы открываете это окно? — спросил он у ближайшего студента.

— Не знаю, сэр, — ответил тот. Другой сказал:

— Оно не открывается; здесь же система кондиционирования.

— А если нам, предположим, нужен свежий воздух? — спросил доктор, вполне спокойно и благоразумно.

— В кондиционированном помещении никто не открывает окон, — заметил тот же студент, — они завинчены.

— Понятно, — сказал Док, — однако же нам нужен свежий воздух.

(За окнами, внизу чирикали на солнышке птички в любовном волнении, прелюбодействовали в кустах гортензии).

— Что же нам делать в этом случае? — спросил доктор.

— Наверное, вы можете пожаловаться в администрацию, — сказал третий, замечание, всегда вызывающее дружный смех.

По-прежнему спокойно и благоразумно он подошел к столу в металлической раме, стоявшему у доски, поднял стул на стальных ножках, поджидавший его у стола, и, держа его за сиденье и спинку, разбил оконные стекла. Все. Очень тщательно. Студенты наблюдали за ним с молчаливым одобрением и наградили его овациями по завершении этой операции. Док вытер руки.

— Сегодня переключки не будет, — сказал он.

В один прекрасный день в начале июня, направляясь на запад из Блендинга, штат Юта, за новой добычей, банда остановилась на вершине горного хребта Ком Ридж, чтобы бросить

взгляд на мир внизу. Они ехали вчетвером, плотно усевшись в широкой кабине пикапа Смита. Было время обеда. Пикап тащился по пыльной дороге — автодороге 95 штата Юта — и повернул на юг по следу джипа, тянувшегося вдоль гребня. Горный хребет Ком Ридж — большая моноклиналиная складка, отлого поднимающаяся к востоку и круто падающая к западу под углом почти 90 градусов. От вершины прямо вниз идет отвесный склон футов в пятьсот, а пониже скалы тянется крутой делювиальный откос еще футов на триста или больше. Подобно многим другим каньонам, столовым горам и моноклиналям на юго-востоке штата Юта, Ком Ридж представляет собою серьезное препятствие для путешествий в направлении восток — запад. Или был им когда-то. Бог сотворил его для этого.

Пикап Смита выбрался на гладкую каменную полку футов в двадцати от вершины и остановился. Все с наслаждением вышли и подошли вплотную к обрыву. Солнце стояло высоко за облаками; воздух был тихим и теплым. Из трещин в скале росли цветы — мальвы (просвирник), вербесина, левкой, кардаминописис, — и цветущие кустарники — шиповник, *Apache plume*, *chamisa*, и другие. Док был восхищен.

— Взгляни, — сказал он — *Arabis pulchra*. *Fallugia paradoxa*. *Cowania mex-icana*, клянусь Богом!

— Что это такое? — спросила Бонни, указывая на небольшие красноватые растения в тени пинии.

— *Pedicularis centranthera*.

— Ну, ладно, но что это такое?

— Что это такое? — Док помедлил. — Что это такое, не знает никто, но люди называют его... буквицей древесной.

— Не умничай!

— Известна еще как мытник. Ребенок подошел ко мне и спросил: «Что такое мытник?» А я сказал: «Быть может, это — платочек Господа Бога».

— Никто не любит умников.

— Я знаю, — согласился он.

Смит и Хейдьюк стояли на краю пятисотфутового отвесного обрыва, этой зияющей пропасти, манящей людей уснуть вечным сном. Но они смотрели не вниз — на смерть, а на юг — на жизнь, или, по крайней мере, на деятельную суматоху в жаре и пыли. Вой моторов, отдаленное фыркание и рычание дизелей.

— Новая дорога, — объяснил Смит.

— Угу, — Хейдьюк поднял свой полевой бинокль и стал изучать то, что происходило приблизительно в трех милях от них. — Крупная операция, — бормотал он. — Трактора,

тягачи, компрессоры, лебедки, грузовики, скреперы, погрузчики, экскаваторы, бурильные установки, танкеры. Чертовски красиво расположились, мать их, прямо парад хреновый.

Подошли Док и Бонни с цветами в волосах. Далеко на юге, в пыли, солнечный свет вспыхивал на стеклах, на блестящей стали.

— Что там такое, внизу? — спросил Док.

— Это ж они новую дорогу строят, — сказал Смит.

— А чем же старая плоха?

— Старая дорога слишком стара, — пояснил Смит. — Она вьется вверх — вниз по холмам, в лощины и из лощин, вокруг вершин каньонов, она без покрытия, и вообще требуется слишком много времени, чтобы добраться по ней куда-нибудь. Эта новая дорога сэкономит людям десять минут езды от Блендинга до Нейчерал Бриджиз.

— Это дорога округа или штата? — спросил Док.

— Она строится для удобства некоторых компаний, работающих в этом округе, но принадлежать она будет не округу; это — дорога штата. В помощь этим несчастным беднякам с их урановыми шахтами, автобазами, флотилией на озере Пауэлл, вот она для кого. Им тоже кушать надо.

— Ясно, — сказал Док. — Дайте-ка мне взглянуть, Джордж.

Хейдьюк передал полевой бинокль доктору, и тот долго разглядывал картину внизу, попыхивая своей сигарой.

— Суета сует и всяческая суета, — сказал он. Он вернул бинокль Хейдьюку. — Что ж, сегодня вечером работаем.

— Я тоже, — сказала Бонни.

— Ты тоже.

Чей-то высокий птичий крик выплыл, как перышко, из-за серебристых облаков. Ястреб. Краснохвостый одинокий ястреб парил высоко над красными обрывами, над волнами триасского песчаника, с живой змеей, зажатой в когтях. Змея по временам извивалась, уносимая хищником далеко, в мир иной. Время обеда.

Они тоже слегка перекусили, после чего вернулись в пикап Смита и подъехали поближе мили на две, мимо скалы и через кустарник, на низких оборотах, с четырьмя ведущими колесами, к высокой точке, откуда можно было более отчетливо рассмотреть строительство. Смит припарковал пикап в тени самой большой сосны пинии, которая, однако, не была достаточно большой, чтобы хорошо его спрятать.

Сетка, думал Хейдьюк; нам нужна камуфляжная сетка. Он сделал пометку в своей записной книжке.

Теперь трое мужчин и девушка снова пробирались к вершине, к краю крутого обрыва. Хейдьюк по привычке двигался первым, он полз вперед на руках и коленях, а потом на животе — последние несколько ярдов к наблюдательному пункту. Были ли такие предосторожности необходимы? Вероятно, нет, так как это было только началом их игры; Враг ведь пока еще не знал о существовании Хейдьюка С°. Враг, фактически, все еще самовлюбленно воображал, что пользуется любовью всей американской публики без исключения.

Ошибается. Вот они лежат на животах на теплом песчанике, под мягким, жемчужным небом, и вглядываются вниз — на семь сотен футов по вертикали и с полмили вдоль, туда, где железные динозавры шумно копошатся и режут в своей песчаной яме. И нет любви в головах и сердцах ни одного из них — Абцуг, Хейдьюка, Смита и Сарвис. Никакой симпатии. Но сильный невольный восторг от всей этой мощи, от всей этой управляемой и контролируемой сверхчеловеческой силы.

Выбранный ими удобный пункт наблюдения давал им то преимущество, что они могли видеть ядро строительства, а не объект в целом. Команды геодезистов, намного опережавшие крупные строительные машины, кончали рабочую неделю раньше, но свидетельства их работы были очевидны: отвратительно розовые маркировочные ленты, развивавшиеся на можжевельниковых деревьях; воткнутые в землю колья, украшенные лентами, — отметки оси и бортов будущей дороги, стальные шпильки, вбитые в землю в качестве контрольных реперов.

То, что Хейдьюк и его друзья могли видеть и видели, было одним из многих этапов строительства дороги, которые следуют за работой геодезистов. Далеко на западе, на возвышенности за Ком Браш, они видели бульдозеры, расчищающие трассу дороги. В лесистой местности для этой работы потребовалась бы бригада лесорубов с цепными пилами, но здесь, на юго-востоке штата Юта, на плато, небольшие сосенки и можжевельники не оказывали никакого сопротивления бульдозерам. Гусеничные трактора выворачивали их повсюду с беспечной легкостью и сталкивали в сторону, раздавленные и кровоточащие, в кучи валежника, где они будут оставлены умирать и разлагаться. Никто не знает точно, насколько чувствительна, скажем, пиния или иная сосна, в какой степени такие древесные организмы могут чувствовать боль или страх, и уж конечно, дорожные строители беспокоились о более важных вещах. Но вот что является точно установленным научным фактом: живое дерево, будучи выкорчевано, еще много дней не умирает полностью.

За первой волной бульдозеров шла вторая, счищая свободно лежащие камни и почву до коренной породы. Поскольку работа шла в «выемке — насыпи», было необходимо взорвать коренную породу до уровня, указанного дорожными инженерами. Наблюдая со своих удобных бесплатных мест, четыре зрителя видели самоходные буровые установки, ползущие к месту взрыва, а за ними — трактора, буксирующие воздушные компрессоры. Закрепленные в рабочем положении и присоединенные к компрессорам, стальные буры с визгом врезались в скалу своими твердосплавными наконечниками. Двигатели ревели, и

каменная пыль плавала в воздухе. Резонансные колебания сотрясали скелет земли. Снова немое страдание. Буровые установки переместились по холму к следующему участку.

Прибыли взрывники. В пробуренные отверстия поместили заряды, мягко забили шпуры и подсоединили к электрической сети. Наблюдатели на гребне слышали предупреждающий свисток руководителя взрывных работ, видели, как команда отъехала на безопасное расстояние, видели струю дыма и слышали гром взрыва. Еще больше бульдозеров, погрузчиков и гигантских пикапов направилось к экскаватору, чтобы вывезти обломки.

Внизу в центре выемки под гребнем скреперы, землеройные машины и восьмидесятитонные самосвалы разгружались, создавая насыпь, а машины за ними углубляли выемку. Выемка-насыпь, выемка-насыпь, работа шла всю вторую половину дня. Ее целью была современная скоростная автомагистраль для удобства грузоперевозок, с уклонами не более 8-ми процентов. Это была непосредственная цель. Идеальная же была еще впереди. Мечта инженера — совершенная сфера; планета Земля со всеми ее несовершенствами убирается; автомагистрали просто наносятся краской на поверхность, гладкую, как стекло. Конечно, инженерам предстоит еще пройти долгий путь, но они — терпеливые неутомимые ребята; они суетятся и суетятся, как термиты в термитнике. Это — постоянная, длительная работа, и они убеждены, что их естественные враги — только механические поломки, или «простои» оборудования, и производственные проблемы, и плохая погода, и иногда брак в подготовительной работе геологов и геодезистов.

Единственным врагом, о котором подрядчик никогда бы не подумал, да и не думал, была команда из четырех идеалистов, распростершихся на животах на скале под небом пустыни.

Внизу под ними металлические монстры ревели, проезжали, подпрыгивая на резиновых колесах, через прорез в горном хребте, сваливали свои грузы и грохотали вверх по холму за новыми. Зеленые звери Бусайрус (*Buscyrus*), желтые твари Катерпиллер (*Caterpillar*), храпящие, как драконы, пускали струи черного дыма в желтую пыль.

Солнце соскользнуло на три градуса к западу за облаками, за серебристым небом. Наблюдатели на горном хребте торопливо жевали, прихлебывали из своих фляг. Жара начала спадать. Поговорили об ужине, но ни у кого не было аппетита. Поговорили о подготовке к вечерней программе. Железные машины все еще работали внизу в промоине, но приближался конец рабочего дня.

— Главное, за кем мы должны следить, — сказал Хейдьюк, — это ночной сторож. Возможно, они как раз держат тут ночью какого-нибудь паразита чертова. Может, и с собакой. Тогда у нас будут проблемы.

— Не будет никакого сторожа, — сказал Смит. — Во всяком случае, не всю ночь.

— Почему ты так уверен?

— Они всегда так делают здесь; мы же далеко от жилья. Никто не живет здесь. До Блендинга пятнадцать миль. Этот объект в трех милях от старой дороги, которые едва ли кто-нибудь проедет, во всяком случае, ночью. Они ж не ждут никаких неприятностей.

— Может, кто-то из них ночует здесь в палатках, — сказал Хейдьюк.

— Не-а, — сказал Смит. — И этого они не делают тоже. Эти мужики работают как собаки целый день; они хотят вернуться вечером в город. Они любят свои цивилизованные удобства. Они — не туристы. Этим строителям ни черта не стоит ездить пятьдесят миль на работу каждое утро. Носятся, как сумасшедшие клопы. Я сам был в этой шкуре.

Док и Хейдьюк, вооруженные полевыми биноклями, продолжали наблюдение. Смит и Бонни поползли с гребня, держась вне поля зрения, пока не оказались ниже линии горизонта. Потом они пошли к пикапу, установили походную печку и начали готовить еду для команды. Доктор и Хейдьюк, никчемные повара, оказались зато хорошими судомойками. Все четверо были вполне квалифицированными едоками, однако только Бонни и Смит настолько заботились о еде, чтобы прилично ее готовить.

Смит оказался прав; строители отбыли все вместе задолго до заката. Выстроив свои машины справа от дороги, нос к хвосту, подобно стаду железных слонов, или просто оставив их на тех местах, где застал их конец рабочего дня, водители возвращались назад маленькими группами к своим транспортным средствам. Далеко наверху Док и Хейдьюк слышали их голоса, смех, скрип корзинок, в которых они приносили себе обед. Пикапы и пикапы подъехали с восточной стороны стройплощадки, спустившись через большой распадок, чтобы встретить водителей. Мужчины забрались в них; грузовики повернулись и направились, пыля, обратно вверх по холму, снова в распадок, и исчезли из поля зрения. Некоторое время еще слышался затихающий шум моторов, облако пыли поднималось над пиниями и можжевельником; затем и оно исчезло. Появился танкер, полный дизельного топлива, и, рыча, направился вниз под уклон к машинам, двигаясь от одной к другой, а водитель и его помощник заполняли доверху топливные баки каждой из них. Закончив, танкер развернулся и направился вслед за остальными, назад сквозь вечернюю дымку к отдаленному жару города, находившегося где-то за восточным выступом плато.

Теперь настала полная тишина. Наблюдатели на гребне, ужиная из своих оловянных тарелок, слышали воркование голубя, находившегося гораздо ниже промоины. Они слышали уханье совы, крики небольших птиц, устраивающихся на ночлег в пыльных кронах тополей. Огромное золотое сияние заходящего солнца разливалось по небу, пламеня на облаках и склонах гор. Почти все видимое пространство было бездорожной, необитаемой, дикой местностью. Они хотели сохранить ее такой же. Они непременно хотели попробовать. Сохранить все, как раньше.

Солнце село.

Тактика, материалы, инструменты, приспособления.

Хейдьюк зачитывал свой контрольный список.

— Перчатки! У всех есть перчатки? Ну-ка, надевайте их. Кто будет там внизу шляться без перчаток — руки отрублю!

— Вы еще посуду не помыли, — сказала Бонни.

— Защитные каски! У всех есть защитные каски?

Он осмотрел команду.

— Ты — одень эту штуку на голову!

— Она не налазит, — сказала Бонни.

— Подгони ее. Кто-нибудь, покажите ей, как подогнать ремешок. Господи Иисусе! — снова заглянув в свой список: — Кусачки!

Хейдьюк размахивал своими собственными 24-дюймовыми крестовыми кусачками — парой стальных челюстей для перекусывания болтов, прутков, проводов, чего угодно диаметром больше полдюйма. Остальные были вооружены плоскогубцами, более или менее пригодными для большинства целей.

— Теперь вы, наблюдатели, — продолжал он, обращаясь к Бонни и Доку. — Сигналы знаете?

— Один короткий и один длинный — предупреждение: прячьтесь, — сказал Док, держа свой металлический свисток. — Один короткий и два длинных — все чисто, возвращайтесь к работе. Три длинных — бедствие, помогите. Четыре длинных..., что ж такое четыре длинных?

— Четыре длинных означают — работа закончена, возвращаюсь в лагерь, — сказала Бонни. — И один длинный означает подтверждение, — сообщение получено.

— Не больно-то мне нравятся эти жестяные свистки, — сказал Смит. — Надо что-нибудь поближе к природе. Более естественное. Более эко — логическое. Скажем, свиное уханье? Кто услышит эти жестяные свистки, сразу сообразит, что тут двуногие животные крадутся. Давайте-ка покажу вам, как ухать по-свиному.

Время обучения. Ладони сложите чашеобразно, с одним маленьким отверстием между большими пальцами, соберите губы, дуньте. Дуйте от живота, из самой глубины; звук поплывет через каньоны, по склонам гор, вниз до самой долины. Хейдьюк показывал доктору Сарвису; Смит — Абцуг, лично, держа ее ладони в нужном положении, дуя в них, а она дула в его сложенные ладони. Она наловчилась сразу, доктор — не так быстро. Они прорепетировали сигналы. Некоторое время сумерки казались наполненными большими рогатыми совами, их разговором. Наконец, все были готовы. Хейдьюк вернулся к своему контрольному списку.

— Так, хорошо. Перчатки, каски, кусачки, сигналы, Теперь: сироп Каго, по четыре кварты каждому. Спички. Фонари — поосторожнее с ними: держите свет поближе к месту работы, не размахивайте ими, выключайте, когда будете перемещаться. Может, нам разработать легкие сигналы? Нет, позже. Вода. Немножко. Молоток, отвертка, зубило — так, у меня есть. Что еще?

— Мы готовы, — сказал Смит. — Давайте двигать.

Они взвалили на плечи рюкзаки. Рюкзак Хейдьюка с большей частью инструментов весил вдвое больше, чем чей-либо другой. Его это не беспокоило. Смит шел первым сквозь сгущающиеся закатные сумерки. Остальные двигались вслед за ним гуськом, Хейдьюк замыкал шествие. Ни следов, ни тропинки. Смит выбрал наиболее экономичный маршрут среди низкорослых деревьев, вокруг штыковидных листьев юкки и очень волосатой колючей груши, через небольшие песчаные наносы пониже гребня горного хребта. Он старался, насколько возможно, вести их по камням, чтобы не оставлять следов.

На юг вели их звезды, на юг вел вечерний бриз, к восходящему Скорпиону, раскинувшему четырнадцать галактических миров через все южное небо. Совы ухали в карликовом лесу. Саботажники им отвечали.

Смит обошел муравейник, огромный симметричный песчаный город, окруженный зоной, лишенной какой бы то ни было растительности. Купольный дом муравьев-жнецов. Смит двигался вокруг него, Бонни за ним, но Док наткнулся прямо на муравейник, разворошив его. Большие красные муравьи засуетились, выясняя причину неприятности; один из них укусил Дока за икру. Он остановился, повернулся и снес верхушку муравейника несколькими сильными пинками.

— Вот так я опровергаю Р. Бакминстера Фуллера, — прорычал он. — Так я опровергаю Паоло Солери, Б. Ф. Скиннера и покойного Уолтера Гропиуса.

— Насколько спокойным он был? — спросил Смит.

— Док ненавидит муравьев, — объяснила Бонни. — И они ненавидят его.

— Муравейник, — сказал Док, — это знак, символ и симптом того, из-за чего мы все здесь ковыляем в сумерках, подобно многим другим недотепам. Я хочу сказать, что это — модель того микрокосма, против которого мы должны найти способ противостояния и предотвращения. Муравейник, подобно пенному грибу Фуллера, является признаком социальной болезни. Муравейники изобилуют там, где преобладает перевыпас скота. Пластмассовый купол следует за чумой безудержного индустриализма, воплощает технологическую тиранию и обнажает реальное качество наших жизней, которое тонет в глубинах обратной пропорциональной зависимости от Валового Национального Продукта. Конец мини-лекции доктора Сарвиса.

— Вот и хорошо, — сказала Бонни.

— Аминь, — сказал Смит.

Вечер уступил место ночи — плотному фиолетовому раствору темноты и звездного света, смешанных с энергией, — каждый камень, и куст, и обрыв, и каждое дерево окутывала аура безмолвного излучения. Смит вел заговорщиков по контуру террасы, пока они не подошли к краю чего-то, кромке, пределу, за которым не было ничего осязаемого. Однако это не было гребнем моноклинали, — это был край прорези сквозь моноклинали, сделанной человеком. Те, кто способны достаточно хорошо видеть в темноте, могли бы увидеть внизу во мраке, футов на двести пониже, широкую новую автостраду и темные очертания машин.

Смит с друзьями пошли по этому новому понижению, пока не достигли места, где можно было с трудом спуститься на гравий и тяжелую пыль дорожного полотна. Глядя на северо-восток, в сторону Блендинга, они видели эту светлую полосу еще неоконченной автострады, ведущей прямо через пустыню, через кустарник, и исчезающей в темноте. Не было видно никаких огней, только слабое сияние города в пятнадцати милях отсюда. В противоположном направлении полотно дороги вилось вниз между стенами прорези, снижаясь к каньону и скрываясь из поля зрения. Они вошли в прорезь.

Первое, с чем они столкнулись на кромке полотна дороги, были геодезические вешки.

Хейдьюк выдернул их и забросил в кусты.

— Всегда выдергивайте геодезические вешки, — сказал он. — Где бы вы их ни находили. Всегда. Это — первый чертов общий приказ по банде гаечного ключа в нашем обезьяньем деле. Всегда выдергивайте вешки.

Они спустились как можно глубже в прорезь, глядя вниз и на запад, чтобы разглядеть, хотя бы смутно, дно Ком Уош, зону насыпи, разбросанную там и сям землеройную технику. Здесь они остановились, чтобы посоветоваться.

— Нам нужен здесь первый караульный, — сказал Хейдьюк. — Док или Бонни?

— Я хочу что-нибудь сломать, — сказала Бонни. — Я не хочу сидеть здесь в потемках и ухать по-совиному.

— Я останусь здесь, — сказал Док.

Еще раз они прорепетировали сигналы. Все в порядке. Док удобно устроился на водительском сиденье огромного катка. Поиграл рычагами. — Жесткие, — сказал он, — но это — перевозка.

— Почему бы нам не начать с этого гада прямо тут вот? — спросил Хейдьюк, имея в виду машину Дока. — Просто чтоб попробовать.

Почему бы и нет? Открыли рюкзаки, вытащили инструменты и фонарики. Док стоял на карауле, а три его товарища под ним развлекались, перекусывая провода, топливопроводы, тяги управления, гидравлические шланги машины. Прекрасный новый 27-тонный двухбарабанный желтый Hyster C-450A, с дизельным двигателем фирмы Катерпиллер в 330 лошадиных сил, — кулачковый каток, розничная цена изготовителя всего 29 500 долларов ФОб Сейджино, Мичиган. Один из лучших. Голубая мечта.

Они весело работали. Каски звякали и клацали о сталь. Маслопроводы и штанги разлетались, издавая звучные спэнг! и плотные кланк! с трудом отрубаемого металла. Док осветил другую машину. Смит вытер с века каплю масла. В воздухе плавал резкий запах гидравлической жидкости, смешиваясь с ароматным дымом сигар Дока. Запах смеси был тяжелым. Вытекающее масло капало в пыль. Послышался другой звук, далеко, — шум двигателя. Они остановились. Док вглядывался в темноту. Ничего. Шум затих.

— Все спокойно, — сказал он. — Продолжаем, ребята.

Когда было перерезано все, до чего они могли дотянуться, Хейдьюк вытянул щуп из машинного блока — чтобы проверить уровень масла? — не совсем, — и всыпал горстку мелкого песка в картер. Слишком медленно. Он отвинтил колпачок с маслобака, взял долото и молоток, пробил дыру в маслофильтре и всыпал туда еще песка. Смит снял колпачок с топливного бака и вылил туда из бутылки четыре кварты сладкого сиропа Каго. Попадая в цилиндры, этот сахар создает твердую углеродную корку на их стенках и кольцах поршня. Двигатель схватится, как железная болванка, когда его заведут. Если заведут.

Что еще? Аббцуг, Смит и Хейдьюк отошли немного назад и уставились на тихий остов машины. Все были потрясены содеянным. Убийство машины. Богоубийство. Все они, даже Хейдьюк, были немного напуганы масштабом своего преступления. Его кощунством.

— Давайте изрежем сиденье, — сказала Бонни.

— Это вандализм, — сказал Док. — Я против вандализма. Резать сиденья — мелкобуржуазно.

— Ну, ладно, ладно, — сказала Бонни. — Пошли дальше.

— После встречаемся здесь? — спросил Док.

— Это — единственный путь обратно на гребень, — сказал Смит.

— Но если какое-нибудь дерьмо приключится, — сказал Хейдьюк, — нас не ждите. Встретимся у пикапа.

— Я не смог бы найти обратную дорогу, даже если б моя жизнь зависела от этого, — сказал Док. — В темноте-то.

Смит поскреб свою длинную челюсть. — Ладно, Док, — сказал он, — если случится какая-нибудь неприятность, может вам лучше пересидеть ее вон там, по-над дорогой, и подождать нас. Не забывайте ухать по-совиному. Так мы вас сможем найти.

Они оставили его в темноте, возвышающегося на сиденье искалеченного и отравленного катка. Только красный глаз его сигары наблюдал за их уходом. План был таким: оставить Бонни одну караулить в дальнем западном конце объекта, а Хейдьюк и Смит в это время будут работать с оборудованием внизу в каньоне. Она ворчала на них.

— Ты ж не боишься темноты, а? — спросил Смит.

— Конечно, боюсь.

— Ты боишься остаться одна?

— Конечно, боюсь.

— Ты что ли не хочешь караулить?

— Я буду караулить.

— Нечего тут делать женщинам, — пробормотал Хейдьюк.

— А ты заткнись, — сказала она. — Я что, жалуюсь? Я буду караулить. Так что лучше заткнись, пока я не вывернула тебе челюсть.

Темнота казалась Хейдьюку теплой, уютной, безопасной. Ему нравилась темнота. Враг, если он появится, прибедет с шумом и грохотом, с ревом двигателей, огнем сигнальных ракет, Действующий Катящийся Гром снарядов и бомб, как во Вьетнаме. Так думал Хейдьюк. Поскольку ночь и эта дикая местность принадлежат нам. Это — страна индейцев. Наша страна. Так он, по крайней мере, считал.

Вниз, круто под гору, одним большим скачком, наподобие аттракциона «американские горки» с милую длиной, шоссе спускалось через брешь к насыпи по дну Ком Уош. Вскоре они достигли первой группы механизмов — землеройные машины, большие грузовики, планировщики.

Бонни собралась идти дальше одна. Смит взял ее руку на мгновение. — Ты будь рядом, дорогая, — сказал он ей, — только внимательно слушай и смотри, а мы с Джорджем сделаем тяжелую работу. Сними каску, чтоб лучше слышать. Ладно?

— Хорошо, — согласилась она, — пока что. Но она хотела позже принять более активное участие в работе. Он согласился. Равное участие. Он показал ей ступеньки в открытую кабину 85-тонного тягача марки Эвклид. Она уселась там, как сторож в вороньем гнезде, а Смит и Хейдьюк принялись за работу.

Напряженная работа. Клик-клак — режут, рвут, ломают. Они исползали весь Катерпиллер D-9A, величайший бульдозер в мире, идол всех дорожников. Насыпали столько песка в карбюратор, что Хейдьюк не мог вставить в него шуп обратно на полную глубину. Он урезал его кусачками до нужной длины. Песок в маслоприемник. Он поднялся в кабину, попытался отвинтить колпачок топливного бака. Не смог. Молотком и долотом он разбил его, отвинтил, влил четыре кварты хорошего мощного Каго в дизельное топливо. Посадил колпачок на место. Посидел на водительском сиденье, поиграл минутку выключателями и рычагами.

— Ты знаешь, что было б здорово? — сказал он Смицу, который стоял пониже, пытаюсь перерубить гидравлический шланг.

— А что, Джордж?

— Завести эту паскуду, загнать ее на вершину и спустить с обрыва.

— На это ушло бы полночи, Джордж.

— Да уж, вот это было б здорово.

— Все равно мы не сможем его завести.

— Почему?

— Да там у их ротора никакой нету рукоятки от магнето. Я смотрел. Они обычно вытаскивают рукоятку ротора, когда оставляют этих тварей на дороге.

— Да? — Хейдьюк вынул записную книжку и карандаш из кармана рубашки, включил фонарик, сделал пометку: рукоятки ротора. — Знаешь, что было б здорово?

Смит, занятый ликвидацией всех физических связей между головками цилиндра и топливопроводами, спросил:

— Что?

— Мы могли бы повыбивать шпильки из всех гусениц. И когда эта штука двинется, она выскочит из своих собственных чертовых траков. Они б тут уписались.

— Джордж, тут этот трактор пока что вообще не двинется с места. С места не сдвинется теперь-то.

— Пока что.

— Так я и сказал.

— То-то и беда.

Хейдьюк выбрался из кабины и подошел вплотную к Смицу, — там, в черном свете звезд, он делал свое скромное дело, луч его фонарика четко освещал установочный винт блока двигателя весом в три автобуса Фольксваген. Вот он, желтый Катерпиллер, огромный в темноте, неясно вырисовывается над двумя мужчинами с безразличием бога, покоряясь без дрожи своей эмалированной шкуры их злонамеренным надругательствам. Аванс за эту единицу оборудования составил около 30 000 долларов. А сколько стоили эти люди? При любом рациональном химико-психо-физическом анализе? Представители нации, состоящей из двухсот десяти миллионов (210 000 000) тел? Дешевея день ото дня, поскольку массовое производство снижает стоимость единицы продукции?

— То-то и беда, — повторил он. — Все эти перерезанные провода только притормозят их, но не остановят. Черт его подери, Редкий, мы зря тратим время.

— В чем дело, Джордж?

— Мы зря тратим время.

— Что ты имеешь в виду?

— Я хочу сказать, что мы на самом деле должны взорвать этого ублюдка. Его и все остальные. Поджечь их все, я хочу сказать. Сжечь их к чертовой матери.

— Так это же тогда будет поджог.

— Да ради Бога, какая разница? Ты думаешь, то, что мы делаем, намного лучше? Ты, черт подери, хорошо знаешь, что если бы старик Моррисон-Кнудсен был сейчас здесь со своими жлобами, он был бы счастлив, если б нас тут всех перестреляли насмерть.

— Да уж, тут ты прав, не слишком они будут счастливы от этого. Не больно-то хорошо они нас поймут.

— Они нас хорошо поймут. Они возненавидят нас до чертовых кишок.

— Они не поймут, зачем мы это делаем, Джордж. Вот что я хочу сказать. Я хочу сказать, нас неправильно поймут.

— Да нет, нас поймут правильно. Нас возненавидят.

— Может, мы должны объяснить ...

— Может, мы должны правильно это делать. Не возиться тут с этими сраными мелочами.

Смит молчал.

— Давай уничтожим это дерьмо.

— Я не знаю, — сказал Смит.

— Изжарим его в его собственном жиру. У меня тут в рюкзаке случайно оказался небольшой шланг с сифоном. И спички как раз случайно есть. Мы только отсосем немного топлива из бака и вроде как обольем мотор и кабину, потом вроде как бросим туда спичку. Остальное Бог доделает.

— Ага, я думаю, он бы доделал, — согласился Смит. — Если бы Бог хотел дать жизнь тут вот этому бульдозеру, он бы не заливал ему в бак дизтопливо. Разве не так? Джордж, а как насчет Дока?

— Что — насчет Дока? С каких это пор Док нам начальник?

— Он же тут вроде как финансирует нам это дело. Он нам нужен.

— Его деньги нам нужны.

— Хорошо, хорошо, скажем так: мне нравится старина Док. И мне нравится его старушка. И я думаю, мы все четверо должны держаться вместе. И я думаю, что мы не можем делать то, чего мы все вчетвером не согласились делать заранее. Подумай об этом вот в таком

разрезе, Джордж.

— Ты кончил свою проповедь?

— Я кончил свою проповедь.

Теперь Хейдьюк немного помолчал. Оба работали. Хейдьюк думал. Спустя минуту он сказал: — Знаешь что, Редкий Гость? Я думаю, ты прав.

— Один раз, было, я думал, что был не прав, — сказал Смит, — но после обнаружил, что ошибался.

Они покончили с D-9A. Сифонный шланг и спички остались в рюкзаке Хейдьюка. Пока что. Сделав все, что могли: засыпав песком, смяв, порвав, порезав, покалечив и всячески оскорбив первый бульдозер, они направились к следующему, и девушка с ними. Смит обнял ее.

— Мисс Бонни, — говорит, — как тебе нравится ночная смена?

— Слишком мирно. Когда моя очередь что-нибудь ломать?

— Нам нужно, чтоб ты караулила.

— Мне скучно.

— Вот об этом уж ты несколько не волнуйся, малышка. Скоро у нас будет столько волнений, что хватит до конца жизни и тебе, и мне. Если мы проживем так долго. Как ты думаешь, что там старина Док подделывает совсем один?

— Он в порядке. Все равно он витает в своих мыслях большую часть времени.

Другая гигантская машина появилась из темноты перед ними. Тягач; они его раскурочили. Потом следующий. Бонни наблюдает со своего поста в кабине ближайшего скрепера. Дальше! Мужчины продолжают свое дело.

— Если бы мы могли запустить моторы этих дряней, — сказал Хейдьюк. — Мы бы спустили масло, включили двигатели и ушли себе. Они бы уж сами о себе позаботились, а мы бы справились намного быстрее.

— Ну и давай, — разрешил Смит. — Спускай масло и заводи двигатели. Они схватятся крепче воловьей задницы в мгновение ока. Их потом, сволочей, никогда не открыть.

— Мы могли бы хоть попытаться, во всяком случае. И вслед за этими словами Хейдьюк вскарабкался в кабину большого бульдозера. — Как Вы ее заводите, эту заразу?

— Я покажу, если мы найдем такую, которую можно завести.

— Может, горячий провод? Может, мы могли бы завести ее так? Обойти зажигание.

— Только не гусеничный трактор. Это тебе никакой не автомобиль, Джордж, ты знаешь. Это — D-восемь. Это тут сверхмощное индустриальное оборудование; это тебе не какой-нибудь старый Farmall там у тебя дома.

— Ладно, я готов начать брать уроки вождения в любое время.

Хейдьюк спустился вниз с водительского сиденья. Они обрабатывали пациента, насыпая горсти мелкого триасского песка в карбюратор, перерезая провода, топливопроводы, гидравлические шланги ко всем устройствам, заливая Karo в топливные баки. Почему Karo вместо простого сахара? Смит хотел знать. Льется лучше, объяснил Хейдьюк; легче смешивается с дизтопливом, не засоряет фильтры. Ты в этом уверен? Нет.

Хейдьюк ползал под бульдозером, чтобы найти сливную пробку маслобака. Он нашел ее, но ему понадобился большой гаечный ключ, чтобы ее ослабить. Они решили поискать в коробке с инструментами в кабине. Заперто. Хейдьюк сбил замок долотом и молотком. Внутри они нашли несколько простых массивных инструментов: железный гаечный ключ длиной три фута; разнообразные гигантские торцовые ключи; кувалда; разводной гаечный ключ с деревянной ручкой; гайки, болты, изоляционная лента, провод.

Хейдьюк взял гаечный ключ подходящего размера и снова залез под трактор. Некоторое время он боролся с пробкой, наконец, ослабил ее и выпустил масло. Большая машина начала кровоточить; ее жизненные соки, пульсируя, вытекали из нее в пыль и песок. Когда все масло вытекло, он вставил пробку обратно. Зачем? Сила привычки — он думал, что меняет масло в своем джипе.

Хейдьюк вылез, перепачканный пылью, жиром, маслом, потирая ушибленную коленку.

— Черт, — сказал он, — я не знаю.

— Что опять?

— Правильно ли мы делаем эту работу? Вот чего я не знаю. Ну, приходит утром водитель, влазит в эту штуковину, пробует ее завести, — ничего не происходит. И первое, что он видит — все провода перерезаны, все топливопроводы перерезаны. Так что сыпать песок в карбюратор, сливать масло — бесполезно, пока они не заведут двигатель. Но когда они починят провода и топливопроводы, то начнут проверять и все остальное. Естественно, и уровень масла. И найдут песок. Потом увидят, что кто-то слил масло. Вот я и думаю, если мы действительно хотим делать это правильно, возможно, мы должны скрыть нашу работу. Я имею в виду, делать ее просто и продуманно.

— Но, Джордж, с минуту назад именно ты хотел поджечь все эти штуки.

— Ага. А теперь я думаю иначе.

— Слишком поздно. Мы уже приложили руку здесь, это заметно. Надо продолжать работать, как начали.

— Подумай-ка об этом минутку, Редкий. Они все появятся здесь приблизительно в то же время завтра утром. Все заводят свои машины — или пытаются их завести. Кто-то сразу заметит обрезанные провода. Я говорю, на тех машинах, где мы уже это сделали. Но глянь, на остальных, — если мы не тронем провода и топливопроводы, чтобы они завели двигатели, тогда песок и Каго будет действительно по делу. То-есть у них будет возможность сделать то, на что мы рассчитываем: разрушить двигатели. Что ты об этом думаешь?

Они склонились бок о бок над стальной гусеницей трактора, пристально вглядываясь друг в друга сквозь мягкий звездный свет.

— Я, пожалуй, хотел бы, чтоб мы все это сообразили раньше, — сказал Смит. У нас ведь не вся ночь впереди.

— Почему — не вся ночь?

— Потому что, я считаю, под утро мы должны быть за пятьдесят миль отсюда. Вот почему.

— Только не я, — сказал Хейдьюк. — Я собираюсь болтаться рядом и посмотреть, что будет. Хочу получить это чертово личное удовлетворение.

Сверху, от скрепера послышалось уханье совы. — Что там у вас такое? — спросила Бонни. — Вы что думаете, это вам пикник или что?

— Ладно, — сказал Смит, — давай сделаем это просто. Давай отложим пока что кусачки и поработаем только над топливом и маслопроводами. Бог знает, сколько тут песка вокруг. Вполне достаточно. Десять тысяч квадратных миль песка, пожалуй, будет. Договорились.

Они продолжили, на этот раз быстро и методично, переходя от машины к машине, засыпая песок в карбюраторы и во все отверстия, ведущие к движущимся деталям. Когда исчерпался весь сироп Каго, они стали сыпать песок в топливные баки в качестве дополнительной меры.

Всю ночь напролет Хейдьюк и Смит продвигались к концу ряда машин. Время от времени то один, то другой, освобождали Бонни с караульного поста, чтобы она могла принять участие в полевой работе. Работа в команде — вот что сделало Америку великой страной: работа в команде и инициатива, вот что сделало ее тем, чем она является сегодня. Они работали над Катерпиллерами, они работали на скреперах, они обработали воздушные компрессоры Schramm, катки Hyster, погрузчики Massey, гусеничные буровые установки Joy Ram, колесные погрузчики Dart D-600, не пропустили ни одного экскаватора John Deer 690-A, и это было, пожалуй, все на эту ночь; этого было, пожалуй, достаточно; старик Моррисон-Кнудсен имел массу оборудования, но кто-то должен же был отвечать за головные боли, которые начнутся утром, когда взойдет солнце, и двигатели будут включены, и все те мельчайшие частицы песка, коррозионные как распыленный наждак, начнут давать выход мести земли

на стенках цилиндров разрушителей пустыни.

Когда они достигли конечной точки участка выемки-насыпи, высоко на складчатом склоне напротив Ком Уош, и тщательно забили песком последнюю из строительных машин, они уселись на можжевелевом бревне, чтобы отдохнуть. Смит, ориентируясь по звездам, определил, что было около 2 часов утра. Хейдьюк считал, что было всего только 11:30. Он хотел пройти вслед за геодезистами и вырвать все вешки, колышки и флажки, которые, как он знал, ждали там, впереди, в темноте, дальше, в еще наполовину девственной, почти нетронутой местности. Но у Аббцуг появилась идея получше: вместо того, чтобы разрушать разметку, выполненную геодезистами, предложила она, почему бы не переместить ее таким образом, чтобы увести дорогу направо большой петлей к отправной точке? Или привести ее к краю, скажем, Мьюли Пойнт, где подрядчики столкнутся с вертикальным обрывом высотой в двенадцать сотен футов к излучинам реки Сан-Хуан.

— Не будем подавать им никаких новых идей, — сказал Хейдьюк. — Они только захотят построить еще один проклятый мост.

— Их геодезическая разметка тянется на запад на двадцать миль, — сказал Смит. Он был против обоих планов.

— Так что мы делаем? — спрашивает Бонни.

— Я б хотел бы залезть в спальник, — говорит Смит. — Немного поспать.

— Мне самой нравится эта идея.

— Но ночь же еще только началась, — замечает Хейдьюк.

— Джордж, — говорит Смит, — мы не можем сделать все за одну ночь. Нам надо забрать Дока, вернуться к пикапу и дать деру. Мы не хотим быть утром где-нибудь тут поблизости.

— Они ничего не смогут доказать.

— То же самое говорил и Славный Парень Флойд. То же говорил и Нельсон, и Джон Диллинджер и Бутч Кэссиди, и еще один парень, как там его звали —?

— Иисус, — рычит Хейдьюк.

— Вот-вот, Иисус Христос. Они все говорили то же самое, и — гляди, что с ними со всеми случилось. Распяты.

— Это — наша первая большая ночь, — сказал Хейдьюк. — Мы должны сделать как можно больше. Вряд ли когда-нибудь еще нам случится такая же легкая работа. В следующий раз у них всюду будут замки. Возможно, и капканы. И вооруженные охранники с коротковолновыми радио, с собаками.

Бедный Хейдьюк: выиграл все споры, но проиграл свою бессмертную душу. Он вынужден был уступить.

Они прошли назад тем же путем, которым пришли, мимо безмолвных, кастрированных, напичканных лекарствами машин. Этим обреченных железных динозавров, терпеливо переживающих остаток ночи, пока наступит безответственное розовоперстое утро и принесет развязку. Агония колец цилиндра, смятых распухшим поршнем, в глазах deus ex machina — бога машин может оказаться подобной другим содомским преступлениям против природы; кто скажет?

Крик совы раздался откуда-то, как им показалось, очень издалека, с востока, из угольной черноты расщелины, пробитой динамитом. Один короткий и один длинный, пауза, и снова: один короткий, один длинный. Тревожный крик — предупреждение.

— Док за работой, — сказал Смит. — Это Док разговаривает с нами.

Мужчины и девушка замерли в темноте, прислушиваясь изо всех сил, пытаясь увидеть хоть что-нибудь. Тревожный сигнал повторился — еще и еще раз. Одинокая ушастая сова, говорящая в ночи.

Замерли, слушают. Нервные сверчки трещат в сухой траве под тополями. Голуби зашевелились в кустах.

Они услышали слабое, но нарастающее гудение мотора. Потом увидели за ущельем колеблющиеся лучи фар. Появилась какая-то машина — два сверкающих глаза — скрежещущая вниз по склону на низких передачах.

— Ну, ладно, — сказал Хейдьюк, — уходим с дороги. Следите за фарой-искателем. Если увидите — все врассыпную.

Понятно. Тревога застала их посреди высокой насыпи, — им некуда было деться, кроме как спускаться по ее откосу. Они скатились, скользя по каменной насыпи, на кучу крупных валунов у ее основания. Здесь они и укрылись, потирая ушибы и ссадины.

Пикап спустился с автодороги, медленно проехал мимо, сколько было возможно, и остановился около машин, оставленных в беспорядке у дальнего края насыпи. Там он постоял минут пять, заглушив мотор и выключив фары. Окна кабины были открыты, водитель сидел, потягивая кофе из термоса и прислушиваясь к ночной тишине. Включив левую фару — искатель, он поиграл лучом по ложу будущей дороги и строительным машинам. Насколько он мог видеть, все было в порядке. Он включил двигатель, вернулся на дорогу, по которой приехал, миновал слушателей, находившихся в каких-нибудь пятидесяти футах ниже него, проехал вверх по уклону через прорезь и исчез.

Хейдьюк неприметно опустил свой револьвер обратно в рюкзак, шумно высморкался в кулак и покарабкался вверх по откосу наверх, к дороге. Из темноты возникли Абцуг и Смит.

— В следующий раз — собаки, — сказал Хейдьюк. — Вертолеты со снайперами. Потом — напалм. Потом — Б-52.

Они шли в темноте вверх по длинному пологому уклону в сторону восточной прорези. Шли и прислушивались, не издаст ли снова какой-нибудь крик большая лысая бородатая сова в защитных очках.

— А по-моему, не совсем так, — говорил тем временем Смит. — Они ж тоже люди, человеки, как мы. Мы должны это помнить, Джордж. Если мы об этом забудем, станем точно такими же, как вот и они, и где ж мы тогда будем?

— Они — не такие, как мы, — отвечал на это Хейдьюк. — Они другие. Они бы миллиона не пожалели, чтобы одного вьетнамца сжечь до смерти.

— Знаешь, у меня шурин в авиации. Так он сержант. А еще я однажды возил по реке семью генерала. Так они более или менее ничего себе, люди как люди, Джордж, как и мы с тобой.

— А генерала ты встречал?

— Нет, только его жену, но она уж сладкая да пышная была, как деревенский пирог.

Хейдьюк молчал, мрачно ухмыляясь в темноту. Тяжелый рюкзак на спине, перегруженный водой, оружием, инструментом, приятно оттягивал плечи, давал ощущение солидного, реального, настоящего дела. Он чувствовал себя сильным, взведенным, как пистолет, опасным, как динамит, упрямым, и мощным, и крепким, и полным любви к своему земляку и единомышленнику. И к своей единомышленнице, имеется в виду, к мисс Абцуг, тоже, черт ее подери, в этих чертовых обтягивающих джинсах, в этом мохнатом мешковатом свитере, который, однако же, не мог скрыть ритмичного покачивания туда-сюда этих ее ничем не стесненных чертовых грудей. Господи Иисусе Христе, мне нужна работа. Работа!

Они нашли Дока сидящим на камне на краю выемки. Он курил свою, по всей видимости, неугасимую и бесконечную сигару.

— Ну? — спрашивает он.

— Ну что ж, — говорит Смит, — я бы сказал, мы уж точно сделали все, что могли.

— Война началась, — говорит Хейдьюк.

Звезды глядели вниз. Восточный гребень гор начал понемногу меняться — старая луна предупреждала о своем появлении. Ни ветра, ни звука — только мощное испарение, истонченное расстоянием до легкого шепота, — горного леса, полыни и можжевельника, и пиний, раскинувшихся на сотни миль полупустынного плато. Мир колебался в ожидании чего-то. На восходе луны.